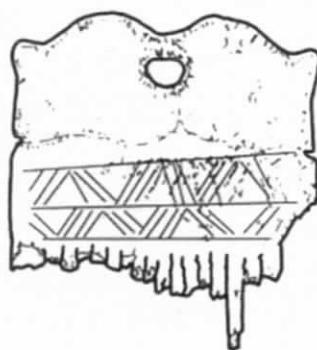

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
**«Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет»**

ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск VIII

ПГГПУ
Пермь 2012

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

"Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет"

**ТРУДЫ
КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

ВЫПУСК VIII

**Археологические памятники Поволжья и
Урала: современные исследования
проблемы сохранения и музеефикации**

Сборник научных трудов

ПГГПУ

Пермь 2012

**УДК 902
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)
Т 782**

Т 782 Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации : сб. науч. тр. / под общ. ред. А.М. Белавина; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. - Пермь, 2012. - 431 с.: ил. и табл. - 97.

ISBN 978-5-85218-616-4

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ "Труды Камской археолого-этнографической экспедиции", в которой публикуются новые материалы и исследования по археологии, древней и средневековой истории и этнографии Пермского края и сопредельных территорий.

Выпуск VIII содержит развернутые до научных статей доклады, прочитанные на Всероссийской (с международным участием) научной конференции "VI Халиковские чтения. Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования и проблемы сохранения и музеефикации" 5-9 декабря 2011г.

Сборник может быть полезен студентам-историкам, учителям, краеведам, музейным работникам.

**УДК 902
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)**

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук проф. А.М. Белавин; д-р ист. наук проф. Н.Б. Крыласова;
канд. ист. наук доц. Е.Л. Лычагина; А.Н. Сарапулов

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Издание осуществлено в рамках научного проекта 029а-Ф «Этнические культуры Прикамья: генезис и современное состояние» Программы стратегического развития
ПГГПУ.

ISBN 978-5-85218-616-4

© Коллектив авторов, 2012
© НПЕ "Афкула", оформление и макет, 2012
© Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2012

В.В. Мингалев.
РАСКОПКИ ОЛП №1 «СТВОР»

Статья посвящена археологическому исследованию особого лагерного пункта №1 «Створ», входившего в систему ГУЛАГа. Объект представляет научный интерес в связи с его сохранностью и уникальностью, он является единственным в Прикамье катаржным лагерем. Использование археологических методов при исследовании подобных объектов позволяет не только получить источники по истории лагеря, но и верифицировать сами археологические методы и подходы. Полученные при археологическом обследовании материалы открывают картину повседневной жизни заключенных без слов, живущихся в исторической литературе мифов.

Ключевые слова: археология, XX век, Пермский край, лагерный пункт системы ГУЛАГ ОЛП №1 «Створ»

V.V. Mingalev

EXCAVATIONS OF THE SPECIAL CAMP STATION NUMBER 1 “STVOR”

The paper introduces archaeological survey of the special camp station number 1 “STVOR”, which was a part of the GULAG system. The site is of special scientific interest due to its uniqueness and preservation. It was the only labour camp in the Kama region. Using archaeological methods for surveys of such a site does not only produce new sources in the history of the camp, but also verifies archaeological methods and approaches. The materials obtained unveil the picture of everyday life of prisoners, which goes beyond the conventional mythology of historical publications.

Key-words: archaeology, XX century, Perm Krai, special camp station number 1 “STVOR”

Использование археологических методов для изучения объектов культурного наследия современности имеет в настоящее время длинную историю. Существует минимум четыре археологических специализации, которые активно этим занимаются – это гарбология, промышленная археология, этноархеология и археология городов (Hudson, 1966; Фаган Б., ДеКорс К., 2007. С.393-396; Молони Н., 1996; Burke H., Smith C, 2004. P.163-201). Развитие данных направлений вызвало острую дискуссию о границе археологического времени как на Западе, так и в СССР, которая до сих пор изредка имеет рецидивы на страницах археологических журналов. Не буду углубляться в теоретическую археологию, лишь постараюсь показать важность данных исследований для исторической науки.

Во-первых, археологические исследования касаются материальной культуры, в которой отражается жизнь простых людей, чего не скажешь об исторических источниках. Археологические источники отражают реальную жизнь людей, а не их внешнюю презентацию, которая чаще всего отражена в источниках. Через артефакты и реконструируемую среду обитания мы можем понять повседневность людей прошлого.

Во-вторых, некоторые аспекты жизни населения в исторических документах, хрониках и анналах отражены особенно слабо, например, быт и повседневность.

В-третьих, показывает реальный уровень товарно-денежных отношений у данного населения, так как очень часто экономические показатели или не являются важным аспектом исторического источника, или существенно искажаются автором, написавшим текст.

В-четвертых, археологические работы на объектах «живой» культуры (современности или недавнего прошлого) помогут верифицировать некоторые методы полевой археологии, учитывая малый хронологический отрезок времени между процессом археологизации и исследованием.

Уральские археологи в данном направлении находятся, что называется, на «острие иглы». Стоит отметить исследования на могильниках нового времени, которые дают возможность скорректировать наши представления о прошлом региона (Святова, 2011. С.155-162; Лычагина, Мингалев, 2007. С.155-164; Коренюк, Мельничук, 2007. С 164-182). Изучение культурного слоя современных городов во многом меняет представления о провинциальных городах (Корчагин, Мельничук, Соколова, 2000. С.52-71; Самигулов, 2005).

Изучение истории лагерных пунктов системы ГУЛАГ часто сталкивается с проблемой секретности документов, неполноты данных и, наконец, за официальными и скучными архивными протоколами и документами КГБ очень сложно увидеть лагерную повседневность заключенных и охраны. С этими проблемами могли бы помочь социологические исследования, но, к сожалению, часто они проводятся с целью доказать определенную точку зрения (вопросы выстраиваются не корректно). Другой проблемой социологических исследований является «стена молчания». Многие из тех, кто находился по разные стороны колючей проволоки, не любят вспоминать это время своей жизни.

Нельзя сказать, что археология это панацея, которая даст все ответы, но, учитывая сложности в исследовании советской действительности «за колючей проволокой», она может придать большую объективность историческим исследованиям и помочь осветить бытовые аспекты. Данные исследования необходимо проводить как можно раньше. Уже сейчас многие пункты подвергаются перестройке или разграблению, что приводит к уничтожению археологического источника.

История изучения отдельного лагерного пункта №1 «Створ» Понышского исправительно-трудового лагеря

Внимание исследователей данный объект привлек в конце 1990-х гг., в первую очередь, сохранностью и исторической ценностью, как единственный каторжный лагерь на территории Пермского края. Руководитель мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36» к.и.н. В.А. Шмыров стал первым исследователем, обратившим пристальное внимание на данный объект. Большое внимание к этому объекту также было со стороны к.и.н. Л.Д. Обухова.

В диссертации на соискание степени кандидата исторических наук С. Шевелева (бывший сотрудник музея «Пермь-36» и участник трех научных экспедиций на территорию лагеря «Створ»), посвященной экономике ГУЛАГа, достаточно большая часть удалена лагерю «Створ». Сбор архивных данных и опросы бывших работников данного лагерного пункта не дали полной картины о жизни и истории существования лагеря «Створ», поэтому стало целесообразно полевое археологическое изучение данного объекта культуры.

В 2001 г. было проведено первое натурное обследование данной территории под руководством сотрудника музея «Пермь-36» О.А. Нечаева. В ходе обследования были выявлены руинированные объекты и артефакты быта заключенных. Данная территория в те годы фактически не пострадала от туристов и от сборщиков железа. Исходя из выводов, полученных в ходе данного обследования, стала понятна большая историческая ценность данного объекта.

В 2002 г. была проведена вторая экспедиция музея «Пермь-36» на территории уро-чища «Створ». Целью экспедиции стал сбор артефактов для музея «Пермь-36».

В 2004 г. была проведена третья экспедиция музея «Пермь-36», в которой, кроме сотрудников музея, принял участие сотрудник КАЭЭ ПГПУ В.В. Мингалев. Целью экспедиции было более детальное обследование площади лагеря, поиск кладбища заклю-

ченных, определение границ и натурное археологическое обследование без земляных работ. По результатам работ был составлен акт обследования.

С 2007 по 2010 гг. на территории лагеря «Створ» проводился ежегодный международный волонтерский лагерь пермской городской общественной организации «Молодежный Мемориал» под руководством Р.Р. Латыпова. Целью волонтерского лагеря являлось создание «Музея без гида» на территории лагеря «Створ». В лагере были поставлены указатели на основные руинированные объекты, размещены аннотации по объектам, сделано несколько инсталляций на тему ГУЛАГа. В это же время территория лагеря привлекла собирателей металла («металлистов»), которые вывезли с территории лагеря огромное количество ценных исторических артефактов.

В 2011 г. АНО «Мемориальным центром истории политических репрессий «Пермь-36» было принято решение о проведении четвертой экспедиции с целью детального обследования данной территории, составления топографического плана, выявления входа в шахту и оценки целесообразности использования спецсредств поиска и археологических методов для выявления артефактов.

История лагерного пункта №1 «Створ» Понышского исправительно-трудового лагеря

Свою историю лагерный пункт №1 «Створ» Понышского исправительно-трудового лагеря ведёт с конца 1942 г., когда приказом Народного Комиссара внутренних дел от 27 ноября 1942 г. за № 002592 на р. Чусовая должна была быть построена гидроэлектростанция мощностью 24 000 квт. Срок пуска электростанции определялся декабрем 1943 г., а окончание строительства – в июле 1943 года. Строительство организовалось на базе Ягринлага (ГОПАПО, ф. 1915, оп.1, д.4, л. 14). Окончательное формирование Понышского Исправительно-Трудового лагеря произошло в 1946 г., по приказу Министерства внутренних дел СССР за № 0076 (?) от 27 января 1946 г. на базе лагеря № 519 ОПВИ УМВД по Молотовской области ст. Всесвятская Пермской жел. Дороги (ГОПАПО. Ф. 2464, оп.1, д. 63). В распоряжении Управления лагеря имелся списочный состав каторжан 3 587 чел., из них 75 чел. женщин (ГОПАПО. Ф. 2464, оп.1, д. 63).

1-е лаготделение дислоцируется на створе, расположено на правом берегу р. Чусовой, в 20 км от управления лагеря и железнодорожной станции, связано автолежневой дорогой. В районе урочища «Створ» предполагалось построить основную плотину на р. Чусовой. При этом строительство плотины так и не было завершено – в 1944 г. все работы были свёрнуты в связи с нехваткой денег. Лагерь на какое-то время стал «проверочно-фильтрационным» для бывших советских военнослужащих, прошедших через фашистские концлагеря. 22 января 1946 г. отдельный лагерный пункт №1 «Створ» ИТК №10 приобрёл статус лагеря «для принудительных каторжных работ». В отчете за 1 полугодие 1946 г. отмечено, что «на территории 1 ОЛП обнаружены залежи каменного угля (ГОПАПО. Ф. 2464, оп.1, д. 63, л.73).

В 1962 г. участок «Створ» ИТК №10 был преобразован в самостоятельную колонию общего режима №33, просуществовавшую до 1972 года. С закрытием зоны прекратил своё существование в 1975 г. и посёлок Створ, в котором проживали семьи охранников.

Общий анализ территории урочища «Створ»

Всю территорию урочища можно разделить на четыре части, каждая из которых является самостоятельным объектом культурного или природного наследия. Все вместе они образуют единый культурно-природный комплекс Створ:

– Скала и пещера Печка с подземным озером.

Скала Печка представляет собой скальное образование высотой около 150 м над уровнем реки. В скале имеется вход, напоминающий собой чело русской печи, за что скала и получила свое наименование. Войдя в чело, мы попадаем в 50-метровую широкую галерею, которая выводит к подземному озеру. Скала и пещера пользуется популярностью у туристов, сплавляющихся по реке. В озере сложился уникальный биоценоз. К сожалению, до сих пор обследования вод озера не проводились учеными-биологами.

– Бывший отдельный лагерный пункт №1 Понышского исправительно-трудового лагеря 1942-1972 гг.

При обследовании были выявлены места расположения бараков внутренней (жилой), производственной и внешней (охранной) части. Внутренняя часть, судя по имеющимся планам лагеря и датирующему материалу из бараков, фактически не подвергалась перестройки после 1940-х гг. Внешняя часть появилась не ранее 1960-х гг. Хозяйственная часть многократно перестраивалась.

Наибольший интерес, как с исторической, так и с технической точки зрения, представляет внутренняя (жилая) часть лагеря, сохранившаяся от 1940-х гг. (124-168 x 334 м). Для того чтобы расположить бараки на террасе, были проведены грандиозные земельные работы по эскальпированию и укреплению склона. Создано шесть искусственных террас шириной от 6 до 29 м, террасы создавались по плану и, скорее всего, единовременно. Высота террас относительно друг друга колеблется от 2,80 до 11,40 м. На каждой террасе в ряд располагались бараки, пройти от барака к бараку можно было по узкой дорожке, которая располагалась между бараком и эскарпом. С террасы на террасу можно было пройти по специально созданным скатам, которых было четыре: два у колючей проволоки (со стороны производственной части и со стороны охранной части), один центральный (в центре лагеря) и один в производственной части. Подобная террасная структура лагеря позволяла при малых затратах постоянно держать под контролем всю территорию зоны. Были зафиксированы места смотровых вышек, которые располагались на контрольных высотах урочища. Выявлен заваленный вход в угольную шахту, который располагался в 30 м от контрольно-пропускного пункта, над ним находилась смотровая вышка и там же был выход принудительного воздуховода для шахты.

– Остатки бывшего спецпоселка Створ 1930-х гг.

Датировка первопоселения Створ неизвестна. Спецпоселок Створ начал функционировать с 1930-х гг. В настоящее время на территории объекта фиксируются жилищные западины, по внешним характеристикам они делятся на три группы.

Первая группа. Ряд впадин указывает на срубный характер постройки на подклете, размером 20 x 20 м, по фиксируемым углам можно утверждать, что рублены данные дома были «в обло», что не характерно для «казенных» построек советского периода, когда для простоты рубили в основном «в лапу». Данные впадины не входят в общий ряд с впадинами, оставшимися от построек позднего поселка охраны, что может свидетельствовать о существовании села в данном месте.

Вторая группа. Группа жилищных впадин сконцентрирована в восточной части предполагаемого поселка, ближе к лагерю «Створ». Данные впадины хаотично расположены, вытянуты не вдоль реки, как первая и третья группа, а перпендикулярно. Размер впадин разный (от 5 x 5 до 15 x 6 м), глубина больше (ок. 1,5-2 м), чем у других впадин, из чего можно сделать предположение, что это были полуzemлянки или землянки. На сущ-

ственno заглубленный характер построек указывает достаточно ярко выраженная завалинка и отсутствие провалов от пропусков, которые при срубном сложении постройки хорошо фиксируются в течение 100 лет. Впадины частично «наползают» друг на друга.

Автор встречал подобные жилищные впадины с той же хаотичностью и не уральской ориентацией построек относительно реки под поселком Усть-Черная Гайнского района, там это были землянки украинских переселенцев (раскулаченных).

Третья группа. Жилищные впадины прямоугольные в плане (10-15 x 6-10 м), в некоторых местах сохранились остатки деревянных конструкций, судя по которым, постройки были сложены из бруса. Расположены впадины вдоль реки двумя рядами. Рядом с некоторыми крупными впадинами имеются малые – приусадебные постройки (сарай и бани). Третья группа жилищных впадин осталась от поселка охраны.

Место, где расположен поселок Ствр, является одним из самых перспективных для дальнейшего археологического обследования на данном участке р. Чусовой (от пос. Усть-Койва до устья р. Шайтанки). Терраса, на которой расположен поселок, ровная и невысокая (ок. 3-4 м над урезом воды), но высоты достаточно для того, чтобы не быть затапливаемой в период паводка. Столь не обычное для предгорной части р. Чусовой образование может быть объяснено только исходя из делювиальных процессов и оползней первой надпойменной террасы, благодаря чему образовалась дополнительная пойменная терраса.

Стоит отдельно упомянуть о ряде находок, которые были найдены как в раскопе №3, так и на берегу реки. В ходе полевых исследований в раскопе было найдено около 8 фрагментов поливной посуды, все от разных сосудов. Для лагерного быта подобная посуда явно не характерна, что указывает на существования поселения на данной территории до появления лагеря. Поливная посуда, скорее всего, попала при строительстве барака. Также в ходе работ на раскопе №2 найдет фрагмент серебряной подвески. На берегу реки обнаружен фрагмент бронзового дрота, четырехгранного в середине и круглого с концов.

– Кладбище поселка Ствр и лагерного пункта №1

Кладбище расположено за поселком Ствр в сторону устья р. Шайтанка, во влажном логу. Территория кладбища сильно заросла травой, кустарником и березово-осиновым подлеском. На кладбище фиксируются холмики и могильные западины, в некоторых местах сохранились надмогильные железные знаки (с атрибуцией «ЖЖ»). По площади кладбище занимает небольшой участок, что может указывать на существования еще одного кладбища где-то в другом месте. Перспективными представляются исследования на территории д. Орехово, где имеется другое кладбище.

Археологическое исследование на территории лагеря «Ствр».

На территории лагеря было заложено три раскопа в разных частях ОЛП №1 «Ствр». Это позволило рекогносцировать характер разных объектов и определить научную целесообразность проведения археологических работ на данной территории.

Раскоп №1 был заложен в предполагаемом устье штолни для выявления сопутствующих артефактов, которые являлись бы дополнительным доказательством существования в данном месте входа в штолнию. Стоит оговориться, что целью разбивки раскопа не являлось вскрытие входа в штолнию, которая, по имеющимся сведениям, была засыпана путем направленного взрыва нависающего скальника. Раскоп был ориентирован по сторонам света и расположен прямо на входе в шахту. Площадь раскопа составила 30 кв. м. Заполнение раскопа представляло собой смесь

камней, светло-коричневого суглинка, известняка и остатков дерева. Выявить не смешенные слои не удалось. Лишь в юго-восточной части удалось зафиксировать прокал мощностью до 0,45 м более позднего происхождения, чем обвал, так как стратиграфически он располагался над перемещенным слоем. Для выяснения характера прокала необходимо было расширение раскопа в южном направлении, но из-за плотного подлеска это было невозможно.

В ходе работ на раскопе были найдены следующие артефакты:

– 2 аккумулятора для фонарей. При камеральной обработке данные аккумуляторы были показаны Кузьмину Сергею Константиновичу (1951 г. рождения, житель Горнозаводска), который указал, что точно такие же аккумуляторы использовались ими при работе в 1970-х гг. в угольных шахтах Губахи.

– 4 замка от гидрантов.

– кайло и клин для разбивки крупных камней.

– колесо от вагонетки диаметром 24 см.

– фрагмент противогаза ГП-4У.

– гильза 7,62 мм, согласно справочнику по патронам (Жук, 1993. С.653), данная гильза – от патрона образца 1943 г., дульце гильзы короткое, скат прямой и корпус цилиндрический без сбегания к дульцу.

– самодельный нож; был спрятан в насыпи скальника, форма ножа поздняя, он сделан под штык-нож серии ШН для АКМ или АК-74, т.е. может быть датирован не ранее конца 1960-х гг., когда такая форма получила распространение.

– чернильница; к сожалению, найти какие-либо работы по датировке чернильниц не удалось, но в целом форма тривиальная, что позволяет датировать ее широко в пределах XX в.

– водочные пробки, одна из которых имела штамп 1968 г.

– разные бытовые железные предметы (крючки, кованые гвозди и т.д.).

Общий характер найденных артефактов и стратиграфия позволяет четко идентифицировать данное место, как засыпанный вход в штоллю. После засыпки данное место использовалась под свалку.

Раскоп №2 был заложен за пределами зоны ОЛП №1 для выявления отличий по археологическому материалу между находками из бараков заключенных и казармами охраны. Было выбрано единственное место, не заросшее лесом. Раскоп был ориентирован по сторонам света и расположен в северной части здания охраны. Площадь раскопа составила 24 кв. м. Сразу при снятии дерна стало понятно, почему данный участок не зарос лесом. Пол представлял собой цементную заливку, на которую была наложена плитка, большая часть которой не сохранилась. На внутренней стороне кафельных плиток было написано «Волгоград», что позволяет датировать данную постройку не ранее 1961 г., когда Сталинград был переименован в Волгоград. Учитывая, что переход на производство плитки с новым штампом ушло какое-то время, данная плитка могла попасть на территорию ОЛП №1 лишь в сер. 1960-х гг. После обнаружения плитки дальнейшие раскопки были не целесообразны, так как это привело бы к уничтожению объекта, который мог в дальнейшем музеефицироваться. В связи с приостановкой работ, стратиграфия в раскопе №2 не выявлена. Но так как цементная заливка в некоторых местах треснула, была определена последовательность строительства: сначала производилось выравнивание площадки, потом укладывались лаги, которые соединялись со стенами постройки, после этого прямо на земляной пол наливался цемент, на который накладывалась плитка, весьма аккуратно т.к. фактически отсутствуют пропуски и щели между плитками.

В ходе работ на раскопе были найдены следующие артефакты:

1. Замок от чемодана.
2. Навесной замок.
3. Алюминиевая чайная и столовая ложки.
4. Алюминиевая плоская тарелка.

5. Кирпич со штампом Понышлага, что позволяет предположить использование кирпичей из разобранных зданий для строительства новых или существования достаточно большого запаса старых кирпичей.

Кроме этого в непосредственной близости от данного сооружения были найдены 4 пары лезвий от коньков. Общий характер находок, две большие печи и кафель позволил сделать предположение об использовании данного здания, как солдатской столовой.

Раскоп №3 был заложен на сооружении № 17 на территории ОЛП №1 «Створ». Выбор места в основном связан с отсутствием плотного подлеска и леса на данном участке. Целью раскопов было выявить возможности использования археологических методов при исследовании объектов сер. 20 в., а, так же, по возможности дать функциональную и хронологическую идентификацию данного сооружения. Площадь раскопа составила 48 м². Коричневый суглинок с включениями камня являлся основным культурным слоем. По линии 5 и 6 были выявлены остатки каменных выкладок под лаги. В центральной части располагались остатки печи, достаточно хорошей сохранности, 6 кладок кирпича были в непотревоженном виде. В южной части фиксировались остатки упавшей части печи. Печь сложена непрофессионально: в качестве скрепления использовалась смесь из глины и извести, использовалась обычная кирпичная кладка из полномерного кирпича с четко выраженным линиями.

Под печь были подведены две лаги. Скорее всего именно тогда, когда они подгнили, печь завалилась в южном направлении. При закрытии зоны печь, вероятно, была полностью целая, так как составные металлические части (вышушка, колосниковая решетка 250Х250 мм, топочная дверца, поддувальная дверца, заслонка) были найдены в раскопе.

В ходе работ на раскопе были найдены следующие артефакты:

- 2 алюминиевые кружки объемом 0,5 л, одна сильно помятая без ручки, вторая расписана гуашью (красным, зеленым, желтым, черным цветом) растительным орнаментом по всей поверхности.
- фильера (фильерная пластина), используемая для протяжки проволоки.
- детали крепления раковины (два держателя и один обод).
- металлические части печи (вышушка, колосниковая решетка 250 x 250 мм, топочная дверца, поддувальная дверца, заслонка). На топочной двери штамп в виде пятиконечной звезды. Все детали изначально были покрыты белой краской.
- детали швейной машинки «Зингер» с ножным приводом, судя по штампу, не ранее 1930-х гг. производства.
- бронзовый браслет, круглый дрот диаметром 0,6 см.
- бронзовый гвоздь без шляпки круглый в сечении, на острие четырехугольный
- портупейная пряжка.
- кожаные заготовки заплаток на обувь.
- фрагменты круговой поливной керамики.

Общий характер найденных артефактов и стратиграфия позволяют четко идентифицировать данное место как один из бараков, во входной части которого в не-

посредственной близости от печки располагалось место для заключенного, занимавшегося ремонтом обуви.

Т.о., в процессе полевых археологических исследований территории ОЛП №1 «Створ» выявлен вход в шахту, идентифицирован ряд объектов, составлен топографический план местности. Как показали полевые исследования, объект содержит в себе большую информационную ценность для исследователей повседневности заключенных и жизни охраны. Учитывая скучность документальных источников, археологический источник в данном случае становится единственным объективным.

Необходимо продолжение археологических исследований на территории историко-природного комплекса и в его окрестностях для выявления объектов культурного наследия и уточнения характера выявленных объектов. Главной угрозой для комплекса являются сборщики металла, которые вывозят с территории лагеря ценные, с научной точки зрения, артефакты. Нахodka предметов, которые могут датироваться эпохой средневековья, и археологическая перспективность урочища, ставит дополнительную задачу – поиск объектов археологического культурного наследия, датируемых эпохой средневековья.

Дополнительные археологические работы помогут верифицировать некоторые методы полевой археологии, учитывая малый хронологический отрезок времени между процессом археологизации и исследования. Считаю возможным организацию базы для экспериментальной археологии на территории бывшего ОЛП №1.

Культурно-природный комплекс «Створ» обладает высокой презентабельностью для просветительской деятельности. Комплекс расположен на маршруте одного из самых популярных сплавов в Пермском крае – по р. Чусовой.

Лагерь является уникальным архитектурным объектом. Землепреобразующие работы, проведенные при строительстве, и уникальная система снабжения водой и углем, может рассказать нам о силе духа и таланте неизвестных нам строителей.

Необходимо продолжить работы по развитию на территории памятника неорганизованного музея под открытым небом. Предлагаю создать условия, при которых каждый посетитель «Музея без гида» смог бы принять участие в создании «Музея», например, – создание «стены памяти». Только создав из бывшего ОЛП №1 «места памяти», мы сможем говорить о полноценном «свободном музее без гида».

Вместе с тем, необходимо обратить внимание на ошибки, допущенные в идентификационных таблицах на зданиях бывшего ОЛП №1: угольный склад назван пропускным пунктом, морг явно располагался в другом месте в соответствии со схемой 1956 г. и т.д. Фактически все таблички имеют неточности или вообще ошибочны. Считаю, что необходима более детальная предварительная научная работа перед вывешиванием табличек. Патетичные надписи и фразы в большей части напоминают музеи Советского периода.

При работах в пределах урочища необходимо учитывать, что некоторые объекты культурного наследия не могут быть выявлены современными методами исследования и сохраняется вероятность их обнаружения при проведении хозяйственных работ даже после натурного обследования. В данном случае вступает в силу статья 37 Федерального Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории культуры) народов Российской Федерации» за №73-ФЗ от 25.06.02.

В случае продолжения проекта полевых исследований ОЛП №1 «Створ», необходимо привлечение журналистов для создания фильма об экспедиции на ОЛП №1.

Список литературы и источников:

- Жук А. Б., 1993. Справочник по стрелковому оружию. Револьверы, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулеметы, автоматы. – М.: Воениздат. – 735 с.
- Hudson K., 1966. Industrial Archaeology: an Introduction. – London.: John Baker. – 184 p.
- Фаган Б., ДеКорс К., 2007. Археология. В начале. – М.: Техносфера. – 592 с.
- Святова Е.О., 2011. Половозрастная организация православного кладбища нового времени г.Туринск // Труды КАЭЭ. Вып. VII. – Пермь: ПГПУ. – С.155-161.
- Лычагина Е.Л., Мингалев В.В., 2003. Могильник Посер XVIII в. // Труды КАЭЭ. Вып. III. – Пермь: ПГПУ. – С.155-164.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., 2003. Ильинский некрополь – христианское кладбище с языческими традициями в Перми Великой (вт.пол. XVI – вт.пол.XVII вв.). // Труды КАЭЭ. Вып. III. – Пермь: ПГПУ. – С.164-183.
- Молони Н., 1996. Археология. – М.: РОСМЭН. – 159 с.
- Burke H., Smith C., 2004. The archaeologist's field book. Crows Nest, ALLEN&UNWIN. – 406 p.
- Корчагин П.А., Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е., 2000. Историко-археологическое изучение г. Перми кон. XVIII-пер.пол. XIX вв. // Оборинские чтения. – Пермь: ПОКМ. – С.52-71.
- Самигулов Г.Х., 2005. Челябинск XVIII-XIX вв.: население, планировка, материальная культура (по данным археологии и письменных источников). Автореферат на соискания ученой степени кандидата исторического наук. – Ижевск: УдГУ. – 24 с.
- Понышский Исправительно-Трудовой лагерь организован по приказу Министерства внутренних дел СССР за № 0076 (?) от 27 января 1946 года, на базе лагеря № 519 ОПВИ УМВД по Молотовской области ст. Всесвятская Пермской дел. дороги. // ГОПАПО. Ф.2464, оп.1, д. 63.
- Приказ Народного Комиссара внутренних дел от 27 ноября 1942 года за № 002592. // ГОПАПО. Ф. 1915, оп.1, д.4.